

Андрей Степанов

0 месте. Этнофеноменологический очерк

В работе исследуется взаимосвязь пространственных форм опыта и их выражения в речи. Предметом исследования является феномен места, раскрываемый в спонтанных высказываниях посредством одноименной лексемы. Лексема *место*, как показано в работе, эксплицирует пространственный опыт, тематизируя такие его конститутивы, как собственно место, деятельность, вещь, время и др. Основополагающую роль здесь играет телесный фактор, лежащий в основе пространственности жизнедеятельности и служащий ключевой областью референции для исследуемой лексемы. Статья основана на материалах современных фольклорно-антропологических экспедиций на Русский Север, а также на данных диалектных словарей.

Ключевые слова: лексема, место, пространство, феномен, докса, референция, тело, деятельность, речь.

В фокусе настоящего исследования будет находиться взаимозависимость пространственных факторов в практиках и речи деревенских жителей. Цель статьи — показать, как пространственные формы опыта, представленные феноменом места, могут быть раскрыты в спонтанной речи посредством лексемы *место*. Контекст описания феномена ограничен почти исключительно пределами жилища (дома) либо ориентированных на него областей жизнедеятельности, что обусловлено как необходимостью сузить спектр употреблений указанной лексемы (почти необозримый), так и специальным интересом автора. Работа основана на материалах современных экспедиционных исследований деревенской культуры Русского Севера (Архангельской и Вологодской обл.)¹, репрезентирующих действительность второй половины XX — начала XXI в., а также на данных диалектных словарей.

Андрей Викторович Степанов

АНО «Пропповский центр» /
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург
dobrohodushka@yandex.ru

Предмет статьи органично входит в круг исследований антропологического пространства. Тема ононого пространства, понимаемого как пространство перцептуальное,

¹ В основу исследования легли записи фольклорно-антропологических экспедиций Кабинета фольклора СПбГУ и АНО «Пропповский центр» 2006–2015 гг. (с участием автора данного исследования), произведенные в Вологодской и Архангельской областях. Работа построена на материале 33 интервью. Записи хранятся в Фольклорном архиве СПбГУ и медиабазе «Российская повседневность» АНО «Пропповский центр».

эгоцентрически организуемое и постигаемое человеком, развито в значительном числе работ (см.: [Гуревич 1972; Стеблин-Каменский 1976; Топоров 1983; Адоньева 2000] и др.). Объединяющим их звеном по преимуществу является выделение таких признаков пространства, как конечность, дискретность и неоднородность. Именно эти признаки прежде всего позволяют характеризовать пространство, данное человеку в его чувственном опыте, как место.

Проблематика места подробно рассмотрена в статье В.Н. Топорова «О понятии места, его внутренних связей, его контексте...» [Топоров 2004], в которой автор развивает идеи своих более ранних работ [Топоров 1983; 1998; 2003]. Место рассматривается исследователем как некая пространственная сущность, отличие которой от собственно пространства (т.е. гомогенного, бесконечного, непрерывного пространства физики) состоит в «идее заполненности» [Топоров 2004: 13]. Эта идея является «одной из существенных особенностей мифопоэтического архаического сознания»: «пространство-место не могло мыслиться пустым, беспризнаковым и безымянным»; оно «вещно», не существует вне вещей, его заполняющих, и представляется сознанию как вместилище вещей *par excellence* [Топоров 2004: 13–14, 27]. Бытие места, согласно Топорову, обеспечивается единством трех составляющих: вещи, человека и его деятельности. Вещь производится человеком, является продуктом его деятельности [Топоров 2004: 30]. «Нет вещи без места», но нет и места, «если в нем нет вещи или человека» [Топоров 2004: 29]. Но поскольку интерес автора лежит в области мифопоэтических моделей мышления, место, несмотря на «насушность интересов человека “дела”» [Топоров 2004: 15], предстает прежде всего как когнитивная категория — место мысли как элемент картины мира (с неизбежными космологическими и космогоническими коннотациями).

Схожие идеи развиваются и в других когнитологических (концептологических) исследованиях, анализирующих стоящий за лексемой *место* соответствующий концепт как способ и / или результат познания действительности (см.: [Кравченко 1996: 43–46; Кубрякова 2000]).

Отдавая должное данным разработкам, я считаю необходимым рассмотреть здесь не оглашаемый лексемой концепт, а феномен, который эта лексема «показывает», т.е. то, как соответствующий срез действительности явлен обыденному опыту и как он проживается в нем. И этот момент представляется принципиальным. У нас нет нужды в нашем повседневном обиходе познавать наши же обыденные вещи. И не только потому, что они привычны для нас — для хабиитуализации

также нет необходимости в представлениях. «Мир, — отмечал М. Мерло-Понти, — есть не то, что я думаю, но то, чем я живу» [Мерло-Понти 1999: 16]. Действительность представляет собой не конгломерат внешних для нас объектов (а только таковые можно было бы познавать), а феноменальный горизонт нашего опыта. Вещи открыты навстречу нам, поскольку наделены нами же — нашей ими озабоченностью — активными свойствами. Мы впитываем опыт телесно, и тем более опыт пространства, через «чувствование» проникая в смысл вещей [Мерло-Понти 1999: 85–86, 131].

В феноменальном опыте место (места, совокупности мест) — это не часть пространства, а модус, посредством которого опыту явлена пространственность бытия. Место — это «то, как» пространственного аспекта нашей жизнедеятельности, т.е. феномен. Как место «пространство» субъективно проживается, конституируется посредством восприятия и деятельности (в их неразрывности). Отмеченные В.Н. Топоровым конститутивы места (деятель — деятельность — вещь) представляются здесь определяющими. Согласно М. Хайдеггеру, место — это пространство, воспринимаемое как пространственность используемых нами средств (вещей) [Хайдеггер 2011: 104]. Не статика объектов, а динамика деятельности человека конституирует место: пространственность объектов всегда воспринимается кем-то, кто-то заполняет пространство вещами, место всегда есть место действия. И исходной точкой здесь представляется наше тело «как средство нашего сообщения с миром» [Мерло-Понти 1999: 131].

Как показывает Эдвард Кейси в работе, специально посвященной взаимосвязи человека и места, субъект деятельности и место находятся в отношении взаимного конституирования, основанного на микропрактиках деятеля в конкретном месте, реализуемых посредством тела [Casey 2001: 684–686]. Для объяснения связи между человеком и местом Кейси использует заимствованное им у П. Бурдьё понятие габитуса — как набора диспозиций, усваиваемых субъектом на психическом и физиологическом (телесном) уровнях в результате опыта действия в определенном месте, и понятие обитания — как встречной экспликации усвоенных схем [Casey 2001: 685–687]. Телесный навык связи с местом, основанный на чувственном восприятии места и деятельности в нем, формирует, согласно Кейси, самосознание индивида [Casey 2001: 685–687].

Значимым фактором в восприятии пространства является, безусловно, время. С легкой руки М.М. Бахтина в гуманитарных науках взаимосвязь пространства и времени уже традиционно обозначается понятием хронотопа. Время актуализирует места.

Например, если говорить о пространстве жилища, то зонирование деятельности в нем, как правило, будет увязано с временными фреймами: зоны сна, приема пищи, работы и др. оказываются актуальными в определенные периоды времени. Но взаимосвязь времени и пространства не ограничена только этими внешними соответствиями. Время заложено в восприятии пространства-места как его внутренний организующий фактор, тем самым давая местам возможность быть. Восприятие соотносит имплицитность времени-опыта с эксплицитностью пространства. Благодаря этому наше тело «производит» пространство — отталкиваясь от прошлого опыта и «вовлекая его» в настоящее [Мерло-Понти 1999: 118], через интенциональность ожиданий настоящего, и таким образом становится возможным «преднахождение» пространства в действии [Хайдеггер 2011: 101–103, 367–369; Бахтин 2003: 121–123].

Но при этом надо иметь в виду, что мир, который мы субъективно переживаем в нашей «естественной установке», а во многом и сами механизмы этого переживания опосредованы для нас различного рода доксами, прежде всего социального характера, будь то научная парадигма, традиция, культурные императивы, гендерные стереотипы, этикет или т.п. Фигурально выражаясь, бытие-в-мире есть почти всегда и целиком бытие-в-доксе.

Так, исследователи не раз отмечали, что в основе пространственной организации крестьянской избы лежит (или лежал в относительно недавнем прошлом) гендерный принцип, согласно которому изба условно разделяется на женскую и мужскую части, женские и мужские места, которые комплементарно соотносятся соответственно с приватностью и публичностью (см.: [Байбурин 1983]). Наиболее характерным выражением этой дихотомии являются передний (красный) и печной (бабий) углы жилища; место за столом в переднем углу является статусообразующим для мужчины (хозяина, большака), место у печи — для женщины (хозяйки, большухи). При дальнейшем расширении все жилище ассоциируется с женским и приватным, а мир за пределами дома — с мужским и публичным (см.: [Бурдые 2001a: 526–528]).

Эта данность — доксическая, хотя и претендующая, как положено любой доксе, на онтологичность (т.е. на существование в качестве «природы вещей») и стремящаяся скрыть свою конвенциональную основу. Благодаря этой реификации женщина оказывается по своему «существу» связана с домом, а бытие мужчины предстает столь же субстанционально публичным. Ср.: «От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки — дымом» [Даль 1863: 452]. Доксические установки, артикулированные

в форме тех или иных прескрипций, ежемоментно регламентируют мир повседневности — в нашем случае, пространственные формы жизнедеятельности людей, декларируя и легитимируя, например, соответствия / несоответствия социальных акторов определенным местам жилища, а также их практики там, и осуществляя дисциплинарные оклики в проблемных ситуациях. Места, таким образом, социально означены¹ и социально предписаны субъектам деятельности: человек согласно этим прескрипциям-императивам соответствует месту по гендерному, половозрастному и функциональному признакам. Эти предписания принимаются в равной степени всеми социальными акторами; непроблематичности этого принятия способствует диалектика двух процессов: интериоризации индивидом социальных установок и его самоидентификации с ними (см.: [Бергер, Лукман 1995: 213–214]).

При этом указанные социальные установки осажены в привычку, опривычены в рамках рутинной деятельности. Они интериоризированы на уровне телесных положений, движений, перемещений, т.е. почти в буквальном смысле инкорпорированы. Это, с одной стороны, порождает «натурализацию» социальных предписаний (докс), что дополнительно обеспечивает их безотказность, но, с другой стороны, дает возможность субъективного (экзистенциального) переживания, субъективного присвоения каждым человеком доксически predeterminedенных мест и практик². И место предстает именно тем феноменом, который артикулирует реципрокную связь пространственного и социального в опыте.

Феномен места далеко не всегда озвучивается в речи в форме лексемы *место*. Т.е. социально-пространственный опыт, артикулируемый посредством места, необязательно получает «лингвистическую объективацию»³. Но когда эта объективация «имеет место», она дополнительно тематизирует особенности претворяемых указанным феноменом отношений: лексема *место*, в зависимости от контекста употребления, «покрывает» не только место в собственном смысле, но и его коннотации / конститутивы, к важнейшим из которых следует отнести телесный фактор, действие, вещь, время и др. В данной статье будут показаны некоторые примеры подобных тематизаций.

¹ См. в этой связи: [Бурдьё 2007: 49–53].

² Для человека в «естественной установке» это фактически единственно доступная форма самосознания — вопрос о редукции доксы здесь по существу не встает и, в любом случае, выходит за предметное поле собственно этнологической антропологии.

³ Пользуюсь термином П. Бергера и П. Лукмана [Бергер, Лукман 1995: 69 и след.].

В высказывании, как показал Эмиль Бенвенист, происходит присвоение языка говорящим [Бенвенист 2008: 313]. Общеизвестно, что человек может не знать значений слов языка (их «внутренней формы» по Гумбольдту) [Степанов 1997: 52], которые он получает в «готовом виде» в ходе первичной социализации. Наши интерпретации действительности предписаны формами языковой системы, в которой мы существуем, и эти формы мы обычно не подвергаем рефлексии (см.: [Уорф 1960]). Но в высказывании человек присваивает значения словам или, по меньшей мере, определенным их классам, исходя из ситуации, с которой высказывание соотносится.

К примеру, такие наречия как *уместно*, *вместе* (*совместно*), *вместо*, этимологически происходящие от *места* [ЭСРЯ 1968: 119; Фасмер 1986: 328], являются надситуативными элементами языка, но в генезисе производны от речевых ситуаций, модальность «здесь и сейчас» которых наделяет непространственные формы пространственным значением: *уместно* — от ситуации соответствия темы речи определенному месту, *вместе* — от пребывания с кем-то в одном месте, *вместо* — от замещения кого-то / чего-то кем-то / чем-то в некоем месте. Эта логика может иметь и актуальные воспроизведения в живом общении. Например:

«<А вас-то в баню возили, когда замуж выходили сыновья?> Меня только таскали... У кого таскали меня в баню-то? У этой, у Кати, наверно. <...> <Я думала, только свекровь возят?> Тогда у них свекрови-то не было, у Васи-то не было свекровки-то. Так вот я *на место* свекровки» [ФА Леш1-299; ж., 1946 г.р.]¹.

В цитате описан известный на Русском Севере эпизод свадебного обряда: на второй день свадьбы свекровь отвозят на санях в баню, где мажут сажей и т.д. Информантка, соединяя в своем высказывании агенсную замену с пространственной, эксплицирует тем самым взаимосвязь социального и пространственного в своем опыте. Говорящий в высказывании с необходимостью устанавливает референцию с экстралингвистической действительностью — с миром [Бенвенист 2008: 313–314], являющимся и условием, и продуктом его опыта. Именно благодаря этому речь придает конкретные значения отбираемым ею надситуативным элементам языка. Речь через референцию экстерезорирует опыт говорящего, причем не только в плане передачи содержания и порядка рассказываемого действия, но и в плане артикуляции включенных в действие значений, которые тематизируются именно через свое раскрытие в слове (см.: [Рикёр 1998: 93; Мерло-Понти 2001: 101–102]).

¹ Курсив лексемы место здесь и далее мой.

Приведенный пример показывает и телесный аспект, который является как бы связующим звеном в социально-пространственной взаимосвязи, что обусловлено, в первую очередь, свойством тела занимать место. В значительном числе ситуаций речи употребление лексемы *место* отсылает именно к этой медиальности тела, либо напрямую обозначая «объекты», обеспечивающие конкретное телесное расположение, либо будучи так или иначе нагружено телесными коннотациями.

Таковыми предстают высказывания типа: «Это мое место» или «Это его (ее) место». Например: «Я была во Владимирской области, там тоже так вот стоит печка: вот стенка, а здесь вот такой закуток. Я зашла, печка не горела, я была ужасно замерзшая, и я почувствовала, что там тепло, забила в этот угол и сажу. А мне хозяйка говорит: “Ты мое *место* заняла”. <...> <Там стул у нее?> *Лавка*, ну, че-то еще там было...» [СПБ; ПМА, 2014; ж., 1960 г.р.]. В этом выражении, безусловно, сплетены и индивидуальная привычка, присвоившая место, и интериоризированная половозрастная детерминация. Действительно, речь идет не просто о какой-то лавке (скамье, стуле), а о лавке, сидение на которой и расположение которой в пространственной схеме жилища (в данном случае, месте за печью) эксплицируют статусную иерархию. Еще примеры: «Отец всегда садился вот здесь, это его было *место*. <Это передний угол считается?> Это передний» [ФА Леш26-224; ж., 1947 г.р.]; «Вот обед — [отец] сядет, вот отца *место* никто не займет» [ФА Леш26-508; ж., 1953 г.р.]; «Раньше теща здесь сидела, а я сидел там, на этом *месте*. Я шас да — это мое законное *место*. <...> Что вот уже чай наливаю им как бы, уже как бы хозяин; <...> а так, если бы ты, например, на мое бы *место* сел, так я бы тебя сам: “Ну-ка, на х...!”» [ФА Сям26-191; м., 1962 г.р.]¹. Половозрастной принцип рассадки за столом в крестьянской избе общеизвестен. Ср.: «Вокруг стола стоят *стулья*. Каждый знает свое *место* за столом» [ФА Тот26-17; ж., 1928 г.р.]; «А у меня папа, мама — никогда не сади... не на свои *места*... всегда стабильно: они сидят — это их *места*, а остальные дети тут...» [ФА Леш26-680; м., 1960 г.р.]. *Место* означает в данном случае не предмет, а, во-первых, сидение, т.е. соответствующее положе-

¹ Эта цитата отсылает к интересному случаю. Упомянутая теща после смерти мужа уговаривает дочь с зятем, живущих отдельно, переселиться к ней, поскольку ей сложно справиться одной с хозяйством. Таким образом, получается, что она берет в дом примака. При этом она садится за столом на место хозяина, в функции-прерогативы которого входит, в частности, разливание чая из самовара. Весь «обряд» на кухне и в хлеву также находится в ее власти — дочь выполняет только техническую его часть. Тем самым теща соединяет в своих руках власть и большака и большухи. Лишь незадолго до смерти она передает собственно женскую долю дочери и уступает хозяйское место за столом зятю.

ние тела на оном предмете¹, во-вторых, позицию в социально-пространственной конфигурации жилища.

Немаловажно, что употребление в подобных речевых контекстах лексемы *место* является не номинативным, а остенсивным. Остенсивным является такое определение, которое связано со «здесь и сейчас» говорящего, т.е. с актуальным экстралингвистическим контекстом, в котором он действует; обычно оно сопутствует указанию жестом на объект, к которому относится. Остенсивные слова не имеют постоянного значения, а, как отмечал Э. Бенвенист, насыщаются значениями каждый раз в акте высказывания [Бенвенист 2008: 314–315]. Для нас важно, что остенсивность лексемы *место* всякий раз актуально реферирует с социально опосредованным телесно-пространственным опытом говорящего и эксплицирует этот опыт. Остенсивность *места* тесно связана с дейксисом: указательными словами типа *этот, тот, здесь, там, твое, мое* и др. и их производными. Исследователи выделяют такие свойства дейктических слов, как смысловая зависимость от ситуации речи (ситуативность), соотнесенность с субъектом речи (эгоцентризм), что определяет и выбор признака объекта, и др. [Кацнельсон 2001: 5–6; Апресян 1986: 7–8]. Дейктические слова имеют референцию к предметам только в конкретном речевом акте; сами по себе они как бы «пусты» и наполняются значением только в ситуации «здесь и сейчас» [Сусов 2006: 82]. Остенсивное слово *место* как в выше приведенных, так и в дальнейших примерах часто предстает в окружении дейктических элементов, что усиливает его свойство экспликации пространственного опыта.

Несколько иную картину мы видим при применении лексемы *место* к такому объекту, связанному с телесным расположением человека, как постель.

«“Ну, ребятки, попили-поели, и всё, ложитесь”. Мы знаем *своё место* и уже все на *своё место* идём спать» [ФА Мез26-139; ж., 1924 г.р.];

«Выпили дак забирайся на кровать ли куда подальше. <...> Ну, у нас дома-то не смет пить, я ругаюся, а Сергей не смет пить, где ли у ребят выпьет, придёт — скорей на *место*» [ФА Леш26-420; ж., 1926 г.р.];

«Спать-то ложится, она *место* расправит мужу, он легет...» [ФА Леш26-626; ж., 1936 г.р.];

«Изладь ему *место*» (Арх., Шенк.) [СРНГ 1982: 128].

¹ Так же как, например, фразеологизм *посадочное место* не называет кресло.

Здесь опять же *место* не столько именуется предмет, сколько маркирует телесно организуемую пространственность.

Но при этом:

«На полу все спим. Какие, кроватей-то не было, так все на полу. <...> *Места* опять зимой, как, утром вставаем, *места-ти* на двор выносим. Спать валиться — все заносим опять в избу. *Места* студёны — все валёмся. *Места* соломенны» [ФА Леш24-77; ж., 1925 г.р.];

«Я вот пришла, здесь шестеро, шестеро в семье-то: у матушки-то шестеро детей было...<...> Они все тут на полу спали, и мы с ними *вместе*. Куды деваеся — одна комната, вот та одна комната была, та там еще не выделана была, этой не было, мы уж эту после пристраивали. <То есть вы с детьми спали?> Да, все *вместе*. *Места* постелены на пол, а на день убирали. Как? — ну, так в одних-то избах жили, девушки» [ФА Леш26-569; ж., 1959 г.р.].

«Унеси *место* на поветь, там спать станем» (Арх., Сев.-Двин.) [СРНГ 1982: 128].

Как можно видеть, в данных примерах *место* открепляется от ситуации речи и становится номинацией объекта — постели. Постели-места — это тюфяки, набитые соломой, или перины, наполненные птичьим пером и пухом. На ночь они укладывались на пол избы, где на них по двое, по трое спали дети, а иногда и взрослые (младшие члены семьи), а утром соломенные уносились на поветь, пуховые укладывались одна на одну на родительскую кровать (кровать большака и большухи), которая, кроме всего прочего, служила условным мерилем их размера. Перины с этой кровати или иных кроватей также назывались *местами*¹.

Безусловно, места сна, как и места за столом, в деревенской семье были статусно распределены (например, полати — преимущественно детское место (зимой), на печи — стариковское, кровать у входа — для хозяина и хозяйки и т.п.), но связь между постелью и телом, по всей видимости, прецептуально более тесна, хотя эти места отнюдь не индивидуальны. Лексема *место* стоит между постелью и телом в отношении медиации. Место, занимаемое телом, и место, предназначенное для тела, как бы сливаются во встречном движении. Не случайно номинация относится не к кровати, как известно, появившейся в крестьянском быту относительно поздно, а к постели —

¹ Ср.: «Вверху обыкновенно две большие горницы с голландскими печами или лежанками; иногда еще поделенные перегородками или занавесками, за которыми стоят большие деревянные кровати с "местами", т.е. постелью, подушками и одеялом» [Едемский 1929: 87].

тюфяку, перине (иногда, в более полном комплекте, вместе с подушками и одеялом), объекту переносимому, как и тело, а в отдельных случаях и вместе с телом. Например, *местом* может называться постель молодоженов, которую приносит невеста в дом мужа как часть приданого. То, что воспринимается как предназначенное для кого-то и чего-то, видимо, нуждается в номинации.

«У вас должно быть: сундук, *место*, две подушки, ну че ли какая там обувь себе, платья че ли, да...» [ФА Леш26-407; ж., 1940 г.р.];

«Ну, приданое это когда девушку снабжают этим, как называли раньше, *место*. *Место*. *Место*, то есть то, на чём спать» [ФА Мез1-135; ж., 1960 г.р.];

«<А в приданое что давали?> Ну, вот знаю, что обязательно, это мне бабушка сама говорила, что в первую очередь *место*. *Место*, то есть постель. Имеется в виду перина, одеяло и подушка — вот это называлось *место* здесь в А<...>» [ФА Мез1-147; ж., 1980 г.р.].

В обряде (свадебном) различия смыслов «сидячих» и «лежачих» мест, вероятно, нивелируются, поскольку повышающаяся символизация вбирает в себя различные интенции: телесного, статусного, ролевого конституирования места и др. В обряде место со всеми его коннотациями превращается в фигуру социально-символического обмена: оно акционально и дискурсивно «разыгрывается» через телесно-ролевые подмены, что манифестируется в идиоме *выкуп места*:

«А вот на свадьбе невесту воруют и *место* могут у жениха с невестой. Вот занять просто, вот они ушли там танцевать или еще что-то, а кто-нибудь возьмет и сядет, что я... я — невеста, я — жених. И выкупайте» [ФА Мез1-51; ж., 1951 г.р.];

«Так вот уж сидела тоже за божатку. Они уйдут, я тут место караулю. Шли там куда прогуляться на крыльцо ли куда — я *место* караулю. Божатка карауль, чтоб никто не отобрал. А то ведь отберут, так опять надо выкупать, бутылку дак» [ФА Леш26-403; ж., 1935 г.р.];

«А то могут подойти кто-то и подстроить, занять *место* у молодых. Вот, например, задумаю я у молодых. Чтобы не повалили на то *место*, я приду и лягу. <Да?> Да. Выкупай *место*» [ФА Мез1-115; ж., 1933 г.р.].

Телесный фактор является закономерно невербализуемым, но через лексему *место*, имплицитно присутствуя фактически во всех случаях ее употребления, он устанавливает связь человека с пространством. Логическим звеном в эту связку посредством

той же лексемы включается и деятельность (дело) — по преимуществу осуществляемая деятелем телесно.

«Я не знаю, я в лесу... в лесопункте по часам в столовую меня запахали, помощник повара в лесопункте, так я не знаю. Повар работает, да чё? Знает *место* дак. Не то, что эти из огорода» [ФА Леш26-415; ж., 1938 г.р.].

Знать дело значит знать место, и наоборот. И опять же мы видим, что лексема *место* предстает не номинацией деятельности, а ее контекстуальным соотношением с местом действия.

От этой сопряженности, а во многом и тождественности места и деятельности / деятеля происходит, очевидно, и трактовка места как служебного положения. «С трех *мястов* выгнали, в бальницы работала, короф дать дали, выгнали» (Пск., Пушк.) [ПОС 2006: 175]. Ср. общеизвестное: «Не *место* красит человека, а человек *место*». Подходящий или неподходящий для места человек (равно как и наоборот) иллюстрирует качественную составляющую отношения места и актора.

Так, например, одинаковые качества места и деятеля дают основание, чтобы «соединить» их:

«Я культпросветшколу кончила. И меня направили сюда. Говорят: “Бойкая — иди в бойкое *место*”» [ФА Кир24-263; ж., г.р. неизвестен].

Фразеологизм *на месте* может иметь смысл «как надо» в отношении действия, т.е. *на месте* характеризует качественность действия:

«Готово, сделано. Стих сразу *на месте*, умный сильна был [Пушкин]» (Пск., Беж.) [ПОС 2006: 176].

«Имеется, есть. И малако *на месте*: корова доицца» (Пск., Пушк.) [ПОС 2006: 176].

Вместе с тем в последних двух примерах *на месте* связано и с результатом деятельности — явлением не обязательно пространственным в собственном смысле, но, как видим, выражаемым в высказывании посредством пространственного термина. Таким образом, должный результат дела соотносится с пребыванием в должном месте.

Связывая деятеля (в его телесности) и его дело, лексема *место* может закономерно «захватывать» и вещь как продукт и / или инструмент деятельности.

«А подай мне то *место*» (Арх.: Пин.) [СРНГ 1982: 129]; «Это *место* пожажкой еще» (Вол., Ник.) [СВГ 1989: 82]; «Берут каждое *место* в руки, уташат — и готово» (Вол., Кир.) [СВГ 1989: 82];

«А вот солныша, вот посмотри. Всяко *место* кладем... <...> Посуда кака ли, чаши. Сюды... Куды выкладешь-то? <...> Полки тут наделаны, всяко посуду кладем» [ФА Леш24-92; ж., 1938 г.р.];

«Да у нас как-то, дак у нас вот така было утоцька сделана у нас была. У нас папа-то мастеровой, всяко *место* наделает» [ФА Мез10-32; ж., 1932 г.р.];

«А — говорит, — я когда пришла к ним, жить-то больше — говорит, — нам оно худо говорил: “На, молодка! Ты — говорит, — у батька-то — говорит, — была, хорошо жила и всяко *место* ела, а я — говорит, — только буду... И чай пила! А чай я буду только по праздничкам”. <Это свёкор, да, так сказал?> Свёкор» [ФА Леш26-155; ж., 1932 г.р.].

Свойство вещи, как и тела, занимать место делает такой перенос лексемы неудивительным¹. При этом место оказывается возможным *положить, подать, взять в руки, пожать, съесть*. Вещь как инструмент или / и продукт деятельности трактуется в термине места деятельности. Лексема *место* здесь опять же не номинирует предмет, но выражает отношение с ним. Хотя для этого и используются разные средства: в одних случаях дейктические указатели *это, то*, соответствующие актуальной речевой ситуации «здесь и сейчас», в других слова типа *кажное, всяко* в значении *любое*, что заменяет перечисление и отсылает к обстоятельствам, находящимся вне ситуации речи. *Всякое место* означает и дело (см. примеры выше), и вещь. Или, правильнее сказать, *всяким местом* является и дело, и вещь — является человеку, деятельность которого и обеспечивает их взаимопереводимость. Места заполняются вещами, места предназначены для вещей, и как таковые они обретают номинации: ср. *жерновное место* — место для жернова [ФА Мез24-52], *пищнё место* — место, в котором стоит печь [ФА Мез26-194]. Но вещи заряжаются пространственностью через деятельность деятеля, что и эксплицируется в речи.

Наконец, важно отметить еще один прагматически важный в отношении человека, его деятельности и его пространства (места) аспект. При помощи *места* может быть артикулировано время:

«<А вы рано встаёте?> В пя-ать! <А почему так рано?> Мы привыкли к такому *месту*. <...> <Вы сейчас ставите сено, да?> Сейчас нет. Встаю во хлев — навоз покидать от коровы. А как? Кто будет этим *местом* заниматься?» [ФА Леш24-76; м., 1958 г.р.].

Место, таким образом, выражает время, в которое совершается действие, действие, совершаемое в это время, а также и само

¹ По этой же логике, например, лексема *место* употребляется в отношении вещей багажа.

место действия. И это более чем параллелизм: быть привычным к *месту* значит быть привычным *вставать-во-столько-то-чтобы-делать-что-то-там-то*. Это и есть хронотопическое «здесь и сейчас», артикулируемое субъектом речи. *Место* объединяет время и действие, а также и объект действия в целепологающей заботе деятеля. При этом показательно, что время предстает в термине пространства. Время «сидит» в теле, в его привычке: «На што мне часы и петух, если я знаю, ковда мне лёжиться спать и ставать...» [Русские крестьяне 2007: 259]. Так и в нашем примере: «Мы привыкли к такому *месту*». Но непосредственному восприятию время не дано так же очевидно, как место. Оно дано через свое соответствие определенному месту и делу. Вставать в пять — это вставать не во столько-то, а встать *для* — для деятельности там-то («встаю во хлев») и с чем-то («навоз покидать от коровы»). Эксплицитный пространственный аспект поглощает в речи имплицитность временного¹. Отметим, что и способ определения времени по часам, как и сами часы, вошел в крестьянский обиход, как известно, в исторически обозримый период. Ранее просыпались по привычке, по восходу солнца, по пению петуха и т.п. Единицей деления суток была пора (или уповод), которая понималась как время, благоприятное для определенной деятельности (работы), т.е. *уместное* для нее. Также и год делился на поры: весну, лето, осень и зиму, а они, в свою очередь, на более конкретные поры: пашня, сенокос и т.д.² Например:

«Как зима придет, это *место* и молотят, на лошадях возят в гумно, в ригу» (Карелия) [СРНГ 1982: 129].

Зима — пора, *уместная* для молотьбы; лексема *место* объединяет в данном случае в пространственном коде и время, и действие, и его объект: молотят *это место* — в это время-пору, *это место* — зерно, *это место* — на гумне.

Место не просто соотносено с деятельностью (делом). Эта соотношенность, как уже было отмечено, цементирована социальными — гендерными или / и половозрастными — прескрипциями (императивами), периодически дискурсивно подновляемыми. Социальный контекст задает особую модальность опыту проживания «пространства», заключающуюся прежде всего в идентификации субъектов с социально навязанными ролями. И именно в рамках этих ролей можно говорить о специфической рекурсивности места и деятельности в том смысле, что место есть эквивалент дела и наоборот.

¹ Ср. еще: «Теперь все бумажно, а в наше *место* портянина» (Свердл.) [СРНГ 1982: 129].

² См., например: [Русские крестьяне 2006: 316].

«А вот мы, мы всё к старому привыкли к такой, что вот так видно надо: мужчины всё — свое *дело* мужское, а женщины это всё другое — там стирка, всякое *место*, всё это женское *дело*. А мужское тоже отдельно» [ФА Тот26-15; ж., 1930 г.р.];

«Вдаль я не ходила, мужик ня не пускал, я там на *месте* была, на кухни была, мужикам бялье стирала» (Пск., Опоч.) [ПОС 2006: 174];

«<Смотрите, а за столом как полагается, накрывает хозяйка?>
Р.И.: Ну, накрывает хозяйка, а там если че помочь... На стол готовит она, суп наливает она, там. Мясо крошит отец. <...>
Сначала суп подавали, затем давали чашу с мясом отцу, он крошил мясо. Ну, уж это точно это самое... Г.И.: Мужская работа.
Р.И.: Мужская была. Отец всегда садился вот здесь, это его было *место*» [ФА Леш26-224; ж., 1947 г.р., ж., г.р. неизвестен].

Докса непреложно декретирует каждому свое: мужчине — мужское дело, женщине — женское. И эти дела пространственно конституируются через лексику *место*, поскольку своему делу — свое место. Тем самым *место* не просто отражает то обстоятельство, что социально детерминированные статусные функции осуществляются в специально отведенных для этого местах, но и артикулирует реципрокность социального и пространственного.

Характерный пример этой реципрокной связи дает такое место в деревенском жилище, как зона перед устьем печи, именуемая вместе с печью *бабьим углом, кутьей, кухней*, а в ряде регионов Русского Севера (Архангельской и Вологодской обл.) — *шолнышей*. В некоторых местностях шолнышей называется не вся кухня, а только чулан между боковиной печи и стеной; в этом случае пространственно-ролевая взаимосвязь выглядит еще более специфицированной¹. Это статусообразующее место хозяйки-большухи. Здесь она готовит пищу или руководит этим и другими процессами — работой дочерей, невесток и иных подчиненных акторов; здесь она производит магико-религиозные акции, которые находятся лишь в ее компетенции. Эти процессы обеспечивают физическую и метафизическую витальность семьи, и только хозяйка имеет на них право (или может в определенных случаях делегировать его). Тем самым, шолныша — место ее ответственности и власти, это, по выражению информанта, — «вотчина хозяйки» [ФА Леш26-241]. Местодействие в шолныше других членов семьи не является легитимным и допускается лишь определенных случаях.

¹ Подробно о шолныше см.: [Степанов 2011].

«К.С.: Это шолныша, да, тут у хозяйки все — инвентарь, тут лежал под рукой. Как говорят: кроме хозяйки в шолныше никто не имеет права зайти. Только хозяйка тут. <...> <А муж может зайти?> К.Н.: Ну, вообще-то это *место* хозяйки» [ФА Леш26-643; м., 1963 г.р., ж., ок. 50 лет];

«Это хозяйки *место* <шолныша>. Мужик уже не суется. <Но иногда и...> Мужик ходит. Вот я хожу, раз уже не может жена <болеет>. Как иначе? А так-то... Моё *место* внизу дрова рубить» [ФА Мез26-138; м., 1928 г.р.].

Границы этого места, а равно и границы гендерных обязанностей-привилегий достаточно ревностно охраняются, для чего у «традиции» есть арсенал средств в виде паремий или «колдовского дискурса». Например, в горизонтальных отношениях — с чужаком / гостем:

«Будь как дома, но в шолнышу не ходи. Есть поговорка. Почему — потому, что там хозяйкино *место*. Она приносит от коровы молоко, разливает, там полки, и это все хозяйство ееное, и жернов там. Все. <Это что, опасно для молока?> Чтoб никто ничего не сглазил — нечего там делать никому! Там хозяйкино *место!*» [ФА Леш26-638; м., ок. 60 лет].

Или в вертикальных — с молодой-невесткой:

«Мне отец все говорил: “Там у свекровы-то будешь жить, дак везде ходи, а в шолнышу не заходи без спросу”» [ФА Леш26-506; ж., 1941 г.р.];

«Молодка придет — <свекровь> скажет: “Ты живи как дома, только в шолнышу не ходи”. Потому что коров держали, крынки там были, дак чтoб не знали, не оприкосили, молодка чтoбы коров не оприкосила, молоко» [ФА Мез20—158; ж., 1924 г.р.].

Статус места и его «типового деятеля»¹ социально конструируется посредством наработанных дискурсивных методов, и место предстает как пространственный коррелят власти / ответственности. Молодка сможет по своему произволу входить «в место», когда она войдет — т.е. будет введена — в необходимый статус, что означает автоматическую утрату «своего» места прежним держателем. То же самое касается хозяина-большака и его преемника в отношении привилегированного места за столом. Таким образом, входят / вводятся не только в статус, но и в место. Соответственно, быть наделенным своим местом значит быть поставленным на определенную позицию в половозрастной иерархии, и наоборот. Это формирует не только

¹ Пользуюсь термином П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман 1995: 97].

обязанности, но и власть и своего рода престиж, но также и самосознание, выражающееся в возможности сказать: «Это — мое место».

Для подчиненного актора — молодки — дело обстоит иначе: «Вот расписались, и сюда меня и привезли. Ой, девки, в чужое-то *место* выходить-то страшновато. Вот все сейчас не живут — и ладно, что не живут со старухами» [ФА Сям1-104; ж., 1926 г.р.], — для него еще нет самоидентификации с местом (показательно при этом и употребление пассивной конструкции: «меня привезли»). Подчиненные акторы могут действовать в этом месте (шолныше) факультативно, или с санкции хозяйки, или под ее надзором; младшие акторы вводятся в место старшим — хозяйкой, готовятся к практикам в нем. Сама хозяйка, только пока является таковой, обладает местом, и наоборот, пока обладает местом, является хозяйкой. Таким образом, шолныша докисически предписана хозяйке как место ее заботы, и как таковое оно проживается ею.

Идентификация с местом происходит как раз как интериоризация дискурсивно утверждаемого соответствия деятеля, его места и его дела. Говоря *это мое место*, в действительности манифестируют усвоенную установку *это твое место*. «Ты мое *место* заняла»; «на мое бы *место* сел, так я бы тебя сам: “Ну-ка, на х...!”»; «Моё *место* внизу дрова рубить». Но это только одна сторона вопроса, который во всем объеме представляется более сложным. В определенном смысле *Ты мое место заняла* — это возглас тела, его габитуса проживания этого места. Социальные установки оседают на теле (см: [Бурдые 2001б: 138 и след.]), и посредством тела, присвоившего эти установки, человек сживается с местом. Телесный навык позволяет считать место своим. Он может сохранять свою действенность даже и после утраты актором непосредственной связи с местом.

Например, во время одного интервью я попросил разрешения сфотографировать интерьер избы. Оно было получено без тени сомнения, и я беспрепятственно отснял всю избы. Но когда, отодвинув занавеску, я решил сфотографировать шолнышу, это вызвало у моей информантки, женщины очень преклонных лет и уже давно не ведущей хозяйства, эмоциональную реакцию: «Зачем это ты шолнышу собрался фотографировать?!» И лишь затем, по прошествии нескольких секунд, она примиряющее добавила: «Ну, ладно: мы уже и корову не держим...» [Леш., ПМА 2012; ж., 1926 г.р.]. Телесно освоенные схемы действуют на уровне автоматизма, опережая рефлексивные механизмы сознания. Таким образом, эта идентификация с докси-

ческими предписаниями или «относительная идентичность»¹ дает по меньшей мере иллюзию индивидуальной независимости: место хотя и предписано человеку, но предписано как *его место*, в котором он местодействует как хозяин, субъективно идентифицируясь с ним.

* * *

В данной статье я имел возможность рассмотреть лишь некоторые контексты, в которых задействуется или к которым отсылает лексема *место*. За рамками работы остались существенные речевые ситуации ее использования, которые нуждаются в отдельном исследовании и некоторые из которых я могу здесь лишь перечислить. Это *место*, означающее (а) жилище или место под жилище, (б) могилу или место под могилу; с этими двумя коррелирующими пучками значений неразрывно связаны (с) ритуальные контексты, вербализуемые как *выкуп места*, что в свою очередь корреспондирует с (d) феноменом *хозяев мест*, и пр.

Как показал обзор данных, лексема *место*, являясь в феноменальном смысле выражением пространственности жизнедеятельности, может охватывать все ключевые модальности взаимодействия человека с миром: собственно место, деятельность, инструмент / объект деятельности (вещь, предмет), время деятельности. В проанализированных ситуациях лексема несет функцию артикуляции: используемая в речи, она открывает доступ к живому опыту, который, в свою очередь, до раскрытия в речи остается во многом не тематизированным. Пространственность опыта, атрибутированная через *место*, по-разному отражает субъективный и социальный факторы. В одних случаях, когда *место*, например, характеризует вещь и оперирование с нею, социальный аспект не выглядит доминирующим, в других, скажем, когда *место* соотносится с собственно местом в его связи с деятельностью, он представляется определяющим. Связующим звеном здесь является телесность. Во всех случаях речевого употребления лексема *место* отсылает к действительности, в которой тело располагается или / и действует, поскольку место конституируется телом и делом. Тело предстает оператором, допускающим различные возможности. Оно служит, во-первых, инструментом и объектом социального конструирования, а во-вторых, средством субъективной идентификации с местом и, как следствие, самореализации.

¹ «Относительной идентичностью» Лора Олсон и Светлана Адоньева называют самоидентификацию субъекта с социальными установками [Olson, Adonyeva 2013: 22].

Полевые и архивные материалы

ПМА — Полевые материалы автора

ФА — Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета и Медиабазы «Российская повседневность» АНО «Проповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры»:

ФА Кир. — Вологодская обл., Кирилловский р-н, 2006 г.

ФА Леш. — Архангельская обл., Лешуконский р-н, 2010–2015 гг.

ФА Мез. — Архангельская обл., Мезенский р-н, 2007–2008 гг.

ФА Сям. — Вологодская обл., Сямженский р-н, 2006, 2013 гг.

ФА Тот. — Вологодская обл., Тотемский р-н, 2011 г.

Источники

[ПОС] Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 18 / Ред. Л.А. Ивашко и др. СПб.: изд-во СПбГУ, 2006. 420 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губ. Ч. 2. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 552 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губ. Ч. 2. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. 840 с.

[СВГ] Словарь Вологодских говоров: К–М / Ред. Т.Г. Паникоровская. Вологда: ВГПИ, 1989. 92 с.

[СРНГ] Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1982. Вып. 18. 368 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.

[ЭСРЯ] Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. Т. 1 Вып. 3. М.: изд-во МГУ, 1968. 284 с.

Библиография

Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 181 с.

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–33.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.

Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. 958 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: ЛИБРОКОМ, 2008. 448 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 304 с.

Бурдые П. Дом, или Перевернутый мир // Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001а. С. 517–540.

- Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001б. 562 с.
- Бурдые П.* Физическое и социальное пространства // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 49–64.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 320 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Тип. А. Семена, 1863. Ч. 1. А–З. 628 с.
- Едемский М.Б.* Кулойско-Мезенский край (Этнологические наблюдения в 1927 г.) // Известия Русского географического общества. 1929. Вып. 1. С. 81–118.
- Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.: Едиториал УРСС, 2011. 112 с.
- Кравченко А.В.* Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. 158 с.
- Кубрякова Е.С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.
- Мерло-Понти М.* Знаки. М.: Искусство, 2001. 429 с.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювета; Наука, 1999. 606 с.
- Рикёр П.* Время и рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. 313 с.
- Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.
- Степанов А.В.* Опыт прагматической интерпретации пространства севернорусской избы: шолныша // Антропологический форум. 2011. № 15 Online. С. 194–215. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/15online/>>.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Сусов И.П.* Лингвистическая прагматика. М.: Восток-Запад, 2006. 200 с.
- Топоров В.Н.* О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). М.: Индрик, 2004. С. 12–106.
- Топоров В.Н.* О романе Андрея Белого «Петербург» и его фоносфере в «евразийской» перспективе // Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 181–225.
- Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- Топоров В.Н.* Святые и святость в русской духовной культуре. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 864 с.
- Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Иностранная литература, 1960. Вып. 1. С. 135–168.

Haidеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 452 с.

Casey E.S. Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World? // *Annals of the Association of American Geographers*. 2001. Vol. 91. No. 4. P. 683–693.

Olson L., Adonyeva S. The Worlds of Russian Village Women: Tradition, Transgression, Compromise. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2013. 368 p.

About Place. An Ethno-phenomenological Essay

Andrey Stepanov

ANO “Propp Center”

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences

3 Universitetskaya emb., St.Petersburg

dobrohodushka@yandex.ru

This paper explores the correlation between spatial forms of experience and their expression in speech. The subject of this investigation is the phenomenon of place, revealed in spontaneous utterances by a lexeme of the same name. The lexeme place, as shown in this work, expresses spatial experience, thematising its constitutives such as place itself, activity, thing, time, etc. This experience, depending on the situation, reflects in different ways the personal and social aspects of human life. The main role here is played by a physical factor which underlies spatiality and is a key area of reference for the lexeme under study. In all cases of its use, the lexeme place refers to the reality where the body is located and/or acts, because the place is constituted by the body and the action. The body appears as an operator enabling different possibilities. On the one hand, it becomes an instrument and object of social construction, and on the other hand, it becomes an instrument of personal identification with place and as a result of self-fulfillment. This paper is based on materials from field research conducted in 2000s–2010s in a northern Russian village, as well as data from dialect dictionaries.

Keywords: lexeme, place, space, phenomenon, doxa, reference, body, activity, speech.

References

Adonyeva S. B., *Skazochnyy tekst i traditsionnaya kultura* [A Fabulous Text and Traditional Culture]. St.Petersburg: SPbGU, 2000, 181 pp. (In Russian).

Apresyan Yu. D., ‘Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira’ [Deixis in Vocabulary and Grammar and a Naive Model of the

- World], *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 1986, vol. 28, pp. 5–33. (In Russian).
- Baiburin A. K., *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the Rites and Beliefs of the Eastern Slavs], Leningrad: Nauka, 1983, 191 pp. (In Russian).
- Bakhtin M. M., *Sobranie sochineniy v 7 tomakh* [Collected Works in 7 Volumes], Moscow: Russkie slovari, 2003, vol. 1, 958 pp. (In Russian).
- Benveniste E., *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1966–1974, vols. 1–2.
- Berger P., Luckmann T., *The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. London: Penguin Books, 1967, 249 pp.
- Bourdieu P., *Le Sens Pratique*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1980, 475 pp.
- Casey E. S., ‘Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World?’, *Annals of the Association of American Geographers*, 2001, vol. 91, no. 4, pp. 683–693.
- Dal V. I., *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], part 1: A–Z. Moscow: Tipografiya A. Semena, 1863, 628 pp. (In Russian).
- Edemsky M. B., ‘Kuloysko-Mezenskiy kray (Etnologicheskie nablyudeniya v 1927 g.)’ [Kuloyskoe-Mezen Region (Ethnological Observations in 1927)], *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1929, vol. 1, pp. 81–118. (In Russian).
- Gurevich A. Y., *Kategorii srednevekovoy kultury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskustvo, 1972, 320 pp. (In Russian).
- Heidegger M., *Being and Time*. Albany: State University of New York Press, 1996, 482 pp.
- Katsnelson S. D., *Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie* [The Content of Word, Meaning, and Symbol]. Moscow: Editorial URSS, 2011, 112 pp. (In Russian).
- Kravchenko A. V., *Yazyk i vospriyatie: kognitivnye aspekty yazykovoy kategorizatsii* [Language and Perception: Cognitive Aspects of Linguistic Categorization]. Irkutsk: IGU, 1996, 158 pp. (In Russian).
- Kubryakova E. S., ‘O ponyatiyakh mesta, predmeta i prostranstva’ [About the Concepts of Place, Object and Space], *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of Language. Languages Spaces]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000, pp. 84–92. (In Russian).
- Merleau-Ponty M., *Phenomenology of Perception*. London; New York: Routledge, 2013, 696 pp.
- Merleau-Ponty M., *Signs*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1964, 355 pp.
- Olson L., Adonyeva S., *The Worlds of Russian Village Women: Tradition, Transgression, Compromise*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2013, 368 pp.
- Ricoeur P., *Time and Narrative*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1984, vol. 1, 281 pp.
- Steblin-Kamensky M. I., *Mif* [Myth]. Leningrad: Nauka, 1976, 104 pp. (In Russian).

- Stepanov A. V., 'Opyt pragmaticheskoy interpretatsii prostranstva severno-russkoy izby: sholnysha' [Essay on the Pragmatic Interpretation of the North-Russian Hut: Sholnysha], *Antropologicheskij forum*, 2011, no. 15 Online, pp. 194–215. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/15online/>>. (In Russian).
- Stepanov Yu. S., *Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1997, 824 pp. (In Russian).
- Susov I. P., *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic Pragmatics]. Moscow: Vostok-Zapad, 2006, 200 pp. (In Russian).
- Toporov V. N., 'O ponyatii mesta, ego vnutrennikh svyazyakh, ego kontekste (znachenie, smysl, etimologiya)' [About the Concept of Space, its Internal Relationships, its Context (Importance, Meaning, Etymology)], *Yazyk kultury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Ilyicha Tolstogo (1923–1996)* [The Language of Culture: Semantics and Grammar. Dedicated to the 80th Anniversary of the birthday of the scholar Nikita Ilyich Tolstoy (1923–1996)]. Moscow: Indrik, 2004, pp. 12–106. (In Russian).
- Toporov V. N., 'O romane Andreya Belogo "Peterburg" i ego fonosfere v "evraziyskoy" perspektive' [On Andrey Bely's Novel "Petersburg" and its Phonosphere in "Eurasian" Perspective], *Yevraziyskoe prostranstvo. Zvuk, slovo, obraz* [Eurasian Space. Sound, Word, Image]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2003, pp. 181–225. (In Russian).
- Toporov V. N., 'Prostranstvo i tekst' [Space and Text], *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and Structure]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 227–284. (In Russian).
- Toporov V. N., *Svyatye i svyatost v russkoy dukhovnoy kulture* [Saints and Sanctity in Russian Spiritual Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1998, vol. 2, 864 pp. (In Russian).
- Whorf B. L., 'The Relation of Habitual Thought And Behavior to Language', Carroll J. B. (ed.), *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge, MA: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956, pp. 134–159.